

Andrey Gritsman

Independent scholar

agritsman@msn.com

RUSSIAN POETRY IN A FOREIGN CULTURAL SPACE (NORTH AMERICA). CURRENT STATE

Annotation. Diaspora, abroad, emigration. All these terms were relevant for a certain time and up to a certain time. The first and second waves of Russian emigration around the world, to Europe and the United States, spoke about abroad. It was called emigrant literature, emigrant poetry.

Starting with the third wave, that is, with our wave of the 70s, early 80s, we were not talking about emigrant literature, but about Russian literature in the diaspora. The vector of aspirations, the spiritual direction of artists, emigrated in 70-s and 80-s changed. There was no hope for return. "The third wave" – the 70s – 80s when we left the Soviet Union forever, saying goodbye to our past life, without any hope of returning. Thus, the mentality was different. For some, it was the intention to preserve their inner life, mood and, accordingly, the style of creativity.

Others, authors, as, for example, in my case, sought to get used to the new life, to reflect in their work, the new reality of existence. I think this, to some extent, determined the desire and opportunity to write in another language, in the language of the surrounding culture and new real life. "The fourth wave" – from the early 90s, when a large number of artists came, especially to the United States, but also to Europe. Nowadays, we need to talk about the diaspora, that is, about being in a cultural space abroad. For the artists of these last two waves of emigration, the main goal is not to return to Russia, but to continue their work in Russian in another cultural space, to find themselves in another life without the intention or even hope of returning to their homeland.

The flow of the last few years is defined as "relokants" who left on the wave of war and the tightening of the situation in Russia, with a smoldering hope for better times, the "Fifth wave."

In the last quarter of a century, the situation has changed radically, mainly due to the development of the Internet, when it became possible to freely exchange between the literary language of the metropolis and the diaspora. This is the process of merging into one culture.

In principle, with poetry the situation is clearer. In prose, the artist is more dependent on the environment, is a mirror of what is happening around him, albeit a "crooked mirror". A real poet is, first of all, a mirror of what is happening inside himself, at the bottom of his soul. Which implies much less dependence on the surrounding circumstances, less dependence on the "soil". A poem is, first of all, a "personal message" about the state of the soul. Unless we are talking about political poetry, poetry "performance", journalistic poetry and various other uses of the versification tool for other purposes.

Keywords: Poetry, diaspora, Russian-speaking literature, bilingual poetry, emigration, abroad, metropolis, versification, Russian language.

Acknowledgments: This work was originally presented at the international conference "Russian Literature in a Foreign Cultural Environment" (National University of Uzbekistan, Tashkent, 2025).

Теория литературы / Literary theory

Грицман Андрей Юрьевич

Независимый исследователь (США)

agritsman@msn.com

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА): СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Статья разбирает вопросы современного состояния русской поэзии в инокультурной среде, в диаспоре, по отношению к культуре на территории метрополии. Основным тезисом является идея, что несмотря на политические и территориальные влияния последнего времени, русская культура, и в частности, русская поэзия проходит период глобализации и существует в одном общекультурном мировом поле, возвращаясь к истокам западно-христианской мировой культуры, откуда она генетически и произошла.

Первая и вторая волна русской эмиграции по всему миру, в Европу и в Соединенные Штаты говорила о зарубежье. Это называлось эмигрантская литература, эмигрантская поэзия. Начиная с третьей волны, то есть с волны 70-х, начало 80-х годов речь шла не об эмигрантской литературе, а о русской литературе в диаспоре. Вектор чаяний, душевной направленности художников изменился.

«Третья волна» – 70-е – 80-е годы, когда мы уезжали из Советского союза навсегда, прощаясь с прошлой жизнью, без какой-либо надежды на возвращение. Таким образом, и ментальность было иной. У одних, это было намерение сохранить свою внутреннюю жизнь, настрой и, соответственно, стиль творчества, связанные с эстетикой «глухого периода», «творчества в стол», «бойлерное поколение», связанное с отказом от официальной жизни в культуре. Другие авторы стремились вжиться в новую жизнь, отразить в своем творчестве, новую реальность существования. Это, в какой-то степени, определило желание и возможность писать на другом языке, на языке окружающей культуры и новой реальной жизни.

«Четвертая волна» – с начала 90-х, когда большое количество художников приехало, в особенности, в Соединенные Штаты, а также в Европу. В наше время нужно говорить о диаспоре, то есть, о пребывании в культурном пространстве за рубежом. Для художников этих последних двух волн эмиграции – основная цель не вернуться в Россию, а продолжить свое творчество на русском языке в другом культурном пространстве, найти себя в другой жизни без намерения или даже надежды вернуться на родину.

Поток последних нескольких лет определяется как «релоканты», уехавшие на волне войны и ужесточения ситуации в России, с тлеющей надеждой на лучшие времена.

В последние десятки лет влияние интернета и более свободного обмена информацией, в том числе в форме личного общения авторов, в корне изменили условия существования литературы. Критические события последних лет повлияли на характер творчества и, по-видимому, требуют нового подхода как к тематике, так и к методу стихосложения. В связи творчеством в инокультурной среде возникает вопрос билингвальности, или мультилингвальности. Для развития билингвального сознания недостаточно лингвистического мастерства в приобретенном языке, но необходимо развитие эмоциональной и физической связи с другой жизнью, в которой иностранный язык существует. Это называют понятием «бикультурности». Это имеет прямое отношение к поэтическому контексту жизни. Известно, что порой поэт может выразить свои чувства более свободно на иностранном языке, чем на своем родном. Конкретные обстоятельства жизни иногда могут быть лучше описаны на неродном языке в связи с новым ощущением существования, новой sensibility (восприятием жизни и ситуации), естественной для нового, иностранного языка.

Ключевые слова: поэзия, диаспора, русофонная литература, билингвальная поэзия, эмиграция, зарубежье, метрополия, стихосложение, русский язык

Благодарности: Материалы представлены в виде доклада на международной конференции «Русская литература в инокультурной среде» в Национальном Университете Узбекистана, Ташкент, 2025 г.

Диаспора, зарубежье, эмиграция. Все эти термины были актуальны для определенного времени и до определенного времени. Первая и вторая волна русской эмиграции по всему миру, в Европу и в Соединенные Штаты говорила о зарубежье. Это называлось эмигрантская литература, эмигрантская поэзия.

Начиная с третьей волны, то есть с нашей волны 70-х, начало 80-х годов речь шла не об эмигрантской литературе, а о русской литературе в диаспоре. Вектор чаяний, душевной направленности художников изменился. Не случайно одна из основных антологий первой и второй волны эмиграции называлась «Вернуться в Россию стихами». («200 поэтов русской эмиграции», составитель и редактор Вадим Крейд [1]. Этот вектор изменился для наших волн эмиграции, третьей и четвертой.

«Третья волна» – 70-е–80-е годы, когда мы уезжали из Советского союза навсегда, прощаясь с прошлой жизнью, без какой-либо надежды на возвращение. Таким образом, и ментальность было иной. У одних, это было намерение сохранить свою внутреннюю жизнь, настрой и, соответственно, стиль творчества, связанные с эстетикой «глухого периода», «творчества в стол», «бойлерное поколение», связанное с отказом от официальной жизни в культуре. Это была трансплантация андерграундной культуры на новую

почву и, создание, в какой-то степени, своего культурного гетто на новой земле.

Другие, авторы, как, например, в моем случае, стремились вжиться в новую жизнь, отразить в своем творчестве, новую реальность существования. Думаю, это, в какой-то степени, определило желание и возможность писать на другом языке, на языке окружающей культуры и новой реальной жизни.

«Четвертая волна» – с начала 90-х, когда большое количество художников приехало, в особенности, в Соединенные Штаты, а также в Европу. В наше время нужно говорить о диаспоре, то есть, о пребывании в культурном пространстве за рубежом. Для художников этих последних двух волн эмиграции – основная цель не вернуться в Россию, а продолжить свое творчество на русском языке в другом культурном пространстве, найти себя в другой жизни без намерения или даже надежды вернуться на родину. Вот несколько определений предоставленных искусственным интеллектом, то есть на основе огромного количества данных:

Диаспора — это совокупность людей, проживающих за пределами своей исторической родины, но сохраняющих этническую, культурную, религиозную или национальную идентичность.

Пример: армянская диаспора, еврейская диаспора, русская диаспора.

Слово происходит от греческого *diaspora*, что означает "рассеяние". Изначально оно применялось к еврейскому народу, рассеянному по разным странам, но сегодня используется шире — для обозначения любых общин, оказавшихся вне родной страны.

Эмигранты: Это отдельные люди или группы, которые переехали из своей страны в другую. Эмигрант — это статус, который подчеркивает факт переезда.

Диаспора: Это уже устоявшееся сообщество людей из одной страны или этноса, живущее за границей. Включает несколько поколений (и детей, рожденных уже в другой стране).

Поток последних нескольких лет определяется как «релоканты», уехавшие на волне войны и ужесточения ситуации в России, с тлеющей надеждой на лучшие времена. «Пятая волна», так назван и недавно появившийся в Европе журнал (Максим Осипов [10]).

В последние четверть века ситуация коренным образом изменилась, в основном, в связи с развитием интернета, когда появилась возможность свободного обмена между литературным языком метрополии и диаспоры. Это процесс слияния в одну культуру.

Тема литературных культур метрополии и диаспоры освещается известным исследователем Марией Рубинс (Maria Rubins), [2].

Она отмечает, что идея объединенной русской культуры была представлена еще Глебом Струве («Russian Literature in Exile», 1956) и подробнее освещена на Женевской конференции 1972-го года, «Одна или две русских литературы». В особенности единение культур было представлено в работе Ефима Эткинда, прямо утверждавшего «Русская поэзия XX-го века как единый процесс».

В принципе, с поэзией дело обстоит яснее. В прозе художник более зависим от окружающей среды обитания, является зеркалом происходящего вокруг него, пусть и «кривым зеркалом». Настоящий поэт является, прежде всего, зеркалом происходящего внутри него самого, на дне его души. Что подразумевает гораздо меньшую зависимость от окружающих обстоятельств, меньшую зависимость от «почвы». Стихотворение – это, прежде всего, «персональное сообщение» о состоянии души. Если только речь не идет о политической поэзии, поэзии «перформанса», журналистской поэзии и о разных других видах использования версификационного инструмента для других целей.

Несколько странно, что в совсем недавно опубликованной объемистой монографии крупного специалиста Стефани Сандлер о современной русской поэзии, 1989–2022 год, с добавленной главой о поэзии «после февраля 2022 года» тема поэзии в диаспоре вообще не рассматривается. Весьма субъективно выбраны для разбора поэты, творчество которых произвело «революцию» в русском стихе. Не совсем обосновано, какую именно «революцию» совершили именно данные авторы? (The Freest Speech in Russia, Princeton University Press),[5].

В последние 25-30 лет некоторое «отставание» русского языка, характерное для первых двух волн эмиграции, изменилось. Большинство авторов публикуются в одних и тех же журналах, активно обмениваются в Фейсбуке, до этого в «Живом журнале», и в других средствах массовой информации. До недавнего времени, до войны происходил активный обмен на многочисленных фестивалях, конференциях, визитах авторов диаспоры в Россию и российских авторов за рубеж.

Значимыми центрами обмена стали Нью-Йорк, Берлин, культурные точки Израиля, фестивали «Эмигрантская лира» в Бельгии, «СловоНово» в Черногории, «Поэзия на Ниагаре» в Канаде и другие.

В чём всё-таки проявляется различие? Не в различии употребления языка, а, в так называемой, культурной идиоме. Язык у авторов метрополии и диаспоры примерно один и тот же, однако с течением времени образ жизни, обстоятельства жизни меняются, и естественно окружающая культура влияет на то, не как говорит говорит, а как чувствует художник.

Проблема с культурной идиомой проявляется и в переводах русской поэзии на другие языки. Появилось большое количество антологий, переводов с русского на английский профессионалами, которые хорошо знают русский язык и языковую идиому, но не знают достаточно культуры, обстоятельств жизни в России в 60-е, 70-е, 80-е годы., то есть, словечек, оборотов: культурной идиомы.

В настоящее время русский язык не привязан прямо к территории Российской Федерации и, тем более, к государству. В каком-то смысле, русский язык стал региональной *lingua franca*. Не в такой степени, как английский, испанский или китайский мандарин, которые употребляются по всему миру, но на русском языке многие говорят в странах Средней Азии, в Прибалтике, в Восточной Европе и так далее. На этот процесс распространения русского языка и культуры повлияло и значительное рассеяние носителей культуры, авторов по многим странам вне Российской Федерации.

Как упоминал известный литературовед, философ литературы Марк Липовецкий (Колумбийский университет, Нью-Йорк), творческая интеллигенция всегда находится в некотором отрыве от народа, который она по идее представляет, но который ее не совсем понимает. Что совершенно верно, особенно в наше время. В связи с этим, все большим анахронизмом становится, так называемая, ксенофобия метрополии по отношению к зарубежью.

В последние 10-20 лет произошла децентрализация русской литературы, как внутренняя, так и внешняя. Припоминаю состоявшуюся около двадцати лет назад большую конференцию, сейчас даже трудно представить, в Американском культурном центре, которому принадлежал целый этаж библиотеки иностранной литературы в Москве. Конференция называлась «Культура и поэзия метрополии и зарубежья: противостояния или слияние», [8].

В нем участвовали главный редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова, главный редактор «Нового журнала» Марина Адамович, Андрей Грицман (журнал «Интерпоэзия») Татьяна Бонч-Осмоловская (Австралия), Евгений Абдуллаев (Ташкент), два ведущих американских культуртрегера и поэта Кристиан Уайман (журнал «Poetry») и Дэвид Лиман, основатель и главный редактор «Best American Poetry».

В те времена, когда это еще могло состояться в Москве, в Американском культурном центре, Ирина Барметова со свойственной ей категоричностью и жесткостью, представлявшая литературу метрополии, противопоставляла литературу метрополии и, так называемую, литературу зарубежья или эмигрантскую литературу, утверждая, что еще требуется доказать, что она существует и что она является особой и уникальной,

оригинальной. С тех пор прошло довольно много времени, и ничего уже больше доказывать не надо. Совершенно очевидно, что это одна и та же литература, за исключением, понятно, экстремальных представителей Z-литературы в современной ситуации в Российской Федерации.

Это слияние свойственно нашим волнам третьей и четвертой волне эмиграции, в том числе и последней волне релаксантов. Но с ними это особый случай, потому что это люди, которые уехали непосредственно от войны и которые могли бы и, очевидно, хотели бы вернуться, если бы им представилась такая возможность.

Наша, «третья волна» – это авторы, которые пустили свои корни в новой культуре, к ней принадлежат, влились в зарубежную русскую культуру Америки и Европы, и особенно Израиля.

Это можно отнести к явлению пост-или неоакмеизма. То есть, это явление уже не только «тоска по мировой культуре» (декларация акмеизма), точнее европейской, а активное слияние с ней, к которой генетически русская литература и принадлежит. Французское и немецкое стихосложение, романтический «байронизм», би- и трилингвальность многих поколений русского дворянства и т.п.

Ярким, крупным представителем направления неоакмеизма стал Иосиф Бродский, который уверенно влился в совершенно другую культуру, сросшийся с новой ситуацией. То есть нео- или постаакмеизм – это культура художников, представляющих собой новую формацию, творящих на русском языке, но в координатах другой культуры.

Эпоха, в которую мы жили и которую знаем, прошла. Хотим мы это осознавать или нет. На самом деле не хотим. Потому что в той, прошедшей, эпохе мы привыкли — и к хорошему, и к плохому.

Недавно я участвовал в зум-конференции, «круглом столе», на тему — «На обломках русской литературы». Никаких обломков нет. Это просто начало другой эпохи, или фазы русской культуры и литературы.

Был монополярный мир (Москва, литературный процесс метрополии и т. п.), а все остальное — диаспора, зарубежье, ближнее и дальнее. Все это быстро уходит в прошлое, произошла децентрализация литературы. Интернет, конечно, размыл границы литературных территорий довольно давно. Но все равно из-за рубежа все же ездили «на поклон» в Москву (по редакциям, выступить в популярном клубе, «засветиться»).

За рубежом, конечно, давно были Бродский, русский Нью-Йорк, Довлатов, Саша Соколов, Алексей Цветков, Бахыт Кенжеев и многие другие. Но все же литературное общество ориентировалось на то, чьи именно книги стоят в московских книжных магазинах на полках. Странно представить, но теперь этого нет и быть не может. Значение «Журнального зала» («толстый русский журнал как эстетический феномен»!) значительно

снизилось. По внешним, но и по внутренним причинам. Это и нарастание цензуры, постарение, уход или отъезд за рубеж тех литераторов, которые поддерживали фантом печатных толстых журналов (в основном, пылящихся на полках пустеющих редакций).

Я еще не успел доработать данное эссе, как выяснилось, что к «Журнальному залу» доступ после 2021-го года закрыт, и очевидно будет жестко цензуровано содержание и до 2021-го года. Одновременно стало известно, что крупная международная ассоциация славистов и специалистов по восточно-европейским и евразийским наукам, ASEES, Британский совет, сыгравший большую роль в поддержке культуры в послеперестроечные времена, а также Йельский университет, объявлены «нежелательными организациями», и участие и поддержка их может грозить карами, вплоть до уголовного преследования. Фейсбук и Ютуб уже некоторое время «вне закона». Таким образом, очищенный от ржавчины, железный занавес снова упал и русская, или «руссофонная» культура все больше существует почти отдельно на двух разных и разделенных территориях.

К сожалению, за последние годы ушли в архив «Октябрь», «Арион», «Вестник Европы», «Зарубежные записки», «Новая Юность», «Номо Легенс» и ряд других. Это большой пласт культуры, слава Богу, если сохраняться архивы. Так называемый, литературный процесс в РФ продолжается, но все меньше имеет отношения к реальному состоянию дел в русско язычной литературе. По последним «царским указам» старейший толстый журнал «Дружба народов» предложено перевести в ведение Министерства культуры РФ, то есть участь и этого важного источника полунезависимой русской литературы решена.

Пресловутая «красная черта» компромисса с властью перейдена. В нашем журнале «Интерпоэзия», и не только в нашем, в недавнем «Журнальном зале» в каждом номере были заблокированы две-три-четыре публикации. При этом речь шла не о социально-политических статьях, а о стихах! Были уже и предупреждения журналу «откуда надо» по доносам от коллег-литераторов!

Я не говорю о том, что в России прекратилась литературная жизнь. Как общественное явление — да, прекратилась, но при этом активно работают многие замечательные авторы. Слава Богу, выход на публикации (за пределами РФ) есть. Во всяком случае, пока. Хотя связь все труднее из-за блокировки Фейсбука, Ютуба и бог знает чего еще. Во всем этом винят войну и правящую администрацию РФ.

Я не социолог и не политолог, но думаю, что патология лежит гораздо глубже: и война, и администрация — не только причина происходящего, но и его последствия. Причина происходящего думается — болезнь культуры

и, в какой-то степени, языка. После десятилетий истощения, вырубания, выжигания, почва, на которой произрастает культура, оскудела. А это имеет прямое отношение к будущему так называемого литературного процесса.

Недавно «Новый Иерусалимский журнал» поставил вопрос и произвел опрос на тему «другой русской литературы», отличной от метрополии. Нет «другой русской литературы». Есть одна — русскоязычная, проявляющаяся по-разному в зависимости от опыта жизни, территории, ситуации. Как есть англоязычная: американская, британская, австралийская, «американская, с акцентом» и т. п. И многолетняя богатая история русской поэзии в Израиле, со своими понятиями, метафорами и даже, в какой-то степени, языком: Семен Гринберг, Игорь Бяльский, Шимон Крайтман, Феликс Чечик, Рафаэль Шустерович, Лена Берсон, Александр Бараш и многие другие поэты, блестящие прозаики, классики израильской русской литературы: Алекс Тарн, Михаил Юдсон, Яков Шехтер, Дина Рубина, Леонид Левинзон и другие. Новый приток талантливых литераторов из «метрополии» открывает новую страницу русской израильской литературы.

Но все это с учетом насильственного территориального разделения культуры. Остается только надеяться, что со временем ситуация изменится. Так как, Бунин, Набоков, Ходасевич, Адамович, Георгий Иванов, да и Марина Цветаева давно перестали быть «эмигрантскими писателями».

Перспективы у проекта «глобальной литературы на русском языке» есть. Вес тяжести литературного процесса переместился, он больше не приходится на толстые журналы Журнального зала и нескольких московских и питерских модных клубов.

Появились новые интернетные журналы, созданные, в основном, более молодым поколением, многие за рубежом («Пятая волна», «Артикль», «Точка зрения» и ряд других), и теплые и горячие точки встреч литераторов: Иерусалим — Тель-Авив — Нью-Йорк — Бельгия — Париж и т. д.

За пределами нашего интереса остаются очевидные провластные авторы: Прилепин, Караулов, Артис, Ватутина, Долгарева и другие давно известные фигуры: Кублановский, Олеся Николаева или, например, новый лауреат первой премии «Большой книги» Алексей Варламов. Вот что лауреат говорил несколько лет назад на круглом столе «Дружбы народов»: «глобализация проваливается, космополитизм отступает, и культура неизбежно становится более национальной, отечественной, почвенной. Подняться над схваткой ей не удастся», [11].

Именно в этом и заключается проблема. То есть, по «их» мнению, культура должна следовать за линией правящей партии и отказываться от своего естественного происхождения — мировой («тоска по мировой культуре»), европейской культуры и литературы, с чего она и начиналась.

И «нам» с «ними» не по пути, у нас свои дела.

Недавно я посмотрел список наиболее заметных книг прозы последнего времени, составленный «Медузой»: в основном «антиутопия», социальный «хоррор», прямо по следам классиков жанра – Пелевина, Сорокина, Глуховского. Но реальная сегодняшняя жизнь страшнее талантливых фантазий и предсказаний. Предсказывать нечего — все уже происходит. Наступает время тюремно-лагерной прозы? «Лейтенантская проза» послевоенного времени (Великая отечественная война) вряд ли повторится, не тот контингент воюет.

Что касается поэзии — возникает чувство, что писать по-прежнему тоже нельзя, как бы талантливо сочинено ни было. Реальность происходящего выходит за рамки русской просодии. См. мое недавнее эссе в «Новом журнале» [6] и в ROAR [9].

В голове шум от слов и метафор, от блестящих поворотов поэтического языка. Большая часть звучит как самодовольное нытье. А фейсбук каждый день предлагает новые шедевры (не сарказм) стихотворного творчества авторов, за которыми следил годами. Дела в том, что то, что произошло за последнее время сдвинуло чувствительность (sensitivity) в другое пространство. Другое пространство подразумевает и другой метод, другой язык. Или отказ от него. Временный или постоянный – это уж как получится. Создается ощущение, что стихи больше не выражают реальности, или нереальности, происходящего. Многие звучат как самодовольное мурлыканье. Даже такие, очень разные, блистательные мастера как (умышленно пропущено!) больше не увлекают. Блестяще, но для другого времени. Реальность стала страшнее того, что можно выразить русской просодией, игрой словами и образами, хитроумной иронией и самоиронией (обязательно!) или отсылками к вершинам русской поэзии. Наплывает (и не очень медленно) апофатический период поэзии.

Вот людей только жаль: и тех, кто должен жить и творить «там», под напряжением и под опасностью, и тех, кому пришлось бросить привычную родную жизнь, устраиваться на новом месте и выстраивать там свой новый процесс. Это тяжело и благородно.

Совсем недавно появилась фундаментальная «История русской поэзии» на известном издании “Полка”, [7]. Все авторы секций специалисты уважаемые и знающие. Однако появились вопросы лишь к нескольким последним главам, относящимся к современной поэзии, то есть последних 30-40 лет. И эти главы также написаны профессионально и интересно, но весьма субъективно по выбору авторов, изданий и по оценкам.

Особенно это связано с темой, которую мы обсуждаем – русская поэзия в диаспоре или в инокультурной среде. Попытаюсь, хотя бы кратко восстановить историческую справедливость.

Коллегам можно не напоминать какую огромную роль в сохранении и развитии русской словесности в течении десятилетий сыграли следующие издания: «Новый журнал», Марина Адамович, альманах «Встречи», Валентина Синкевич, «Время и мы», Виктор Перельман, «Континент», журнал «Новый свет», Алена Жукова (Канада), с огромными усилиями тянущая это великолепный журнал.

Нашему журналу «Интерпоэзия» около 25 лет и в 2004-м году мы вошли в Журнальный зал как проект привлечения изданий русской диаспоры и расширения круга авторов.

Такие крупные авторы диаспоры как Бобышев, Гандельсман, Кенжеев, Цветков, естественно, присутствуют в фундаментальной «Истории», но только как исторические фигуры – «Московское время», «ахматовские сироты» и т.д. Как будто бы не было 30-40-50 лет творчества этих классиков за океаном. Подробнее творчество авторов в Америке освещено в предыдущих многочисленных публикациях (ссылки в конце). Но все же стоит вспомнить американские стихи В.Гандельсмана («Партитура Бронкса»), «Осень в Америке» Б.Кенжеева, «Второе яблоко» В. Друка, американские стихи А.Стесина, поэма «Ветер в долине Гудзона» А.Грицмана («Вестник Европы»).

Стоит напомнить концепцию «Гудзонской ноты» в русской поэзии (Лиля Панн и Соломон Волков, журнал «Арион»), в которой авторы заметили некую общность столь разных поэтов живущих в Нью-Йорке, но связанных, в какой-то степени, общей судьбой, что стало проявляться в их творчестве.

Предтечей творческого развития литературы «перемещенных лиц» (DP) является акмеизм, кратковременный как литературное движение, но сыгравший огромную роль как идея слияния русской культуры с мировой, а именно — с западно-христианской.

Способность адаптироваться к новой культуре, возможно, частично определяет и способность к языкам. Способность писать на другом языке связана не столько с безупречным знанием неродного языка, сколько с уровнем адаптации к новой жизни, чувством этой жизни и способностью в нее влиться, а не только наблюдать со стороны, из более или менее безопасного убежища своего культурного «гетто».

Стихотворение – это прежде всего личное сочинение «на тему», но не событие культуры (которым оно становится позднее). Искусство существует в первую очередь в художнике, и только во вторую – в обществе. Это может объяснить феномен автора, который изучил язык уже взрослым, но обрел способность выразить на нем свою душу. Основное условие – обретение собственного опыта другой жизни, с ее запахами, голосами, оттенками, которые пронизывают существование поэта. Многие

проводят свою жизнь на чужбине в диаспоре, в этническом и культурном гетто, так и не вживаясь в новую среду. Причем это не сильно зависит от социального и имущественного положения иммигранта. Так, многие весьма успешные выходцы из Союза охотно пребывают в привычной языковой и культурной среде, весьма отличной от мейнстрима американской культуры.

В связи с развитием искусства в диаспоре стоит упрямнуть феномен билингвального творчества. Известный психоллингвист Анетта Павленко, [4], утверждает, что для развития билингвального сознания недостаточно лингвистического мастерства в приобретенном языке, но необходимо развитие эмоциональной и физической связи с другой жизнью, в которой иностранный язык существует. Это называют понятием «бикультурности». Это имеет прямое отношение к поэтическому контексту жизни. Известно, что порой поэт может выразить свои чувства более свободно на иностранном языке, чем на своем родном. Конкретные обстоятельства жизни иногда могут быть лучше описаны на неродном языке в связи с новым ощущением существования, новой *sensibility* (восприятием жизни и ситуации), естественной для нового, иностранного языка.

Таков мой опыт. Я пишу стихотворение по-английски не потому, что так в данный момент захотелось, а потому, что по-русски я просто не могу выразить того же чувства, опыта другой жизни естественно и органично. Американский славист и германист Адриан Уаннер замечает, что, поскольку поэзия берет свое начало от звука и формы, возникает целый ряд вопросов: является ли авторский перевод стихотворения вариантом оригинального текста или имеет смысл говорить о двух параллельных, оригинальных стихотворениях? Как именно переход из одного языка в другой меняет форму и содержание произведения?

В своей книге «Двуязычная муза» («Bilingual Muse»), [3], посвященной автопереводу русских поэтов, Уаннер утверждает, что в случае современных авторов, таких как Андрей Грицман и Катя Капович, самоперевод отличен от практики Набокова или Бродского. Метод, который используют некоторые современные поэты, в частности упомянутые выше, он называет поэтикой смещения (*poetics of displacement*). Иными словами, перевод собственных стихов становится для поэта способом исследования трансформации его сознания в координатах времени и смещения в пространстве, адаптации к изменению лингвистических и культурных обстоятельств. Таким образом, это совершенно иной подход, чем тот, который предполагает прямой или близкий к буквальному перевод текста. Именно в связи с этим в моей собственной практике я называю одно и то же стихотворение, существующее в двух языках, параллельными текстами, а не прямым самопереводом.

Как ни странно, в отличие от испаноязычных, билингвальных русских поэтов довольно мало. В дополнение можно назвать имена билингвальных авторов активно публикующихся и в русской и в американской периодике: Ирина Машинская, Анна Гальберштадт. Существует целый ряд авторов русского происхождения, весьма успешно работающих только в сфере американской англоязычной поэзии: Илья Каминский, Филип Николаев, Евгений Осташевский, Матвей Янкелевич, и ряд других.

Лично мне, сознательно решившему уехать в Америку более полувека назад (в США 45 лет), совершенно все равно, где говорить и писать по-русски, где общаться по-русски с друзьями и родными. И издавать международный журнал русской поэзии.

Дополнение:

Более полную информацию по теме поэзии в диаспоре, в историческом аспекте, можно найти в данных публикациях в журналах Октябрь, Вестник Европы, Интерпоэзия, Новый журнал, Иностранная литература:

<https://magazines.gorky.media/october/2000/5/budet-li-budushhee.html>

<https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/poet-v-mezhkulturnom-prostranstve.html>

<https://magazines.gorky.media/nj/2007/248/poet-v-diaspore.html>

<https://magazines.gorky.media/nj/2012/267/poet-i-gorod-2.html>

<https://magazines.gorky.media/inostran/2022/10/transligvalnaya-poeziya-i-avtorskij-perevod.html>

<https://magazines.gorky.media/nj/2024/317/otkaz-ot-stihov.html>

Литература

1. Крейд В. Вернуться в Россию – стихами. – М.: Изд-во Республика, 1995.
2. Рубинс М. Невыносимая легкость диаспорического бытия // Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920-2020): Сб. статей / Под ред. М. Рубинс. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 5-50.
3. Wanner A. The Bilingual Muse. Self-Translation among Russian Poets. Northwestern University Press. 2022.
4. Pavlenko A. The Biligual Mind. – Cambridge Univ. Press, 2014.
5. Sandler S. The Freest Speech in Russia. Poetry Unbound, 1989–2022. – Princeton University Press, 2024.
6. Грицман А. Отказ от стихов // Новый журнал – 2024 – № 317. <https://magazines.gorky.media/nj/2024/317/otkaz-ot-stihov.html>
7. Полка: История русской поэзии: [сборник статей]. — М.: Альпина нон-фикшн, 2025. — 928 с.: ил. То же: <https://polka.academy/projects/923>
8. Грицман А. Поэзия метрополии и диаспоры: противостояние или слияние? Дискуссия в Американском культурном центре // Интерпоэзия – 2007 – № 4 <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2007/4/poeziya-metropolii-i-diaspory-protivostoyanie-ili-sliyanie.html>

9. Грицман А. <https://www.roar-review.com/ROAR-1479ba70dc438078b664caba4f592178?p=1559ba70dc43808aa7b4f37c502d5f21&pm=c>
10. <https://www.5wave-ru.com/>
11. Варламов А. Круглый стол: Россия— XXI: жизнь по законам культуры. // Дружба Народов — 2014 – № 8 (<https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/8/rossiya-xxi-zhizn-po-zakonom-kultury.html>)

References

1. Kreid, V. (1995). Vernut'sya v Rossiyu – stikhami [To return to Russia – in verse]. Izdatel'stvo Respublika.
2. Rubins, M. (2021). Nevynosimaya legkost' diasporicheskogo bytiya [The unbearable lightness of diasporic existence]. In Vek diaspor: Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020) [The century of diaspora: Trajectories of Russian literature abroad (1920–2020)] (pp. 5–50). Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Wanner, A. (2022). The bilingual muse: Self-translation among Russian poets. Northwestern University Press.
4. Pavlenko, A. (2014). The bilingual mind. Cambridge University Press.
5. Sandler, S. (2024). The freest speech in Russia: Poetry unbound, 1989–2022. Princeton University Press.
6. Gritsman, A. (2024). Otkaz ot stikhov [Rejection of poetry]. Novyi zhurnal [New Review], 317. <https://magazines.gorky.media/nj/2024/317/otkaz-ot-stihov.html>
7. Polka: Istoriya russkoi poezii [Polka: A history of Russian poetry]. (2025). Al'pina non-fikshn. <https://polka.academy/projects/923>
8. Gritsman, A. (2007). Poeziya metropolii i diaspor: protivostoyanie ili sliyanie? [Poetry of the metropolis and diaspora: Confrontation or fusion?]. Interpoeziya [Interpoetry], 4. <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2007/4/poeziya-metropolii-i-diaspor-protivostoyanie-ili-sliyanie.html>
9. Gritsman, A. (n.d.). ROAR Review. <https://www.roar-review.com/ROAR-1479ba70dc438078b664caba4f592178?p=1559ba70dc43808aa7b4f37c502d5f21&pm=c>
10. 5Wave-Ru. (n.d.). *5Wave-Ru*. <https://www.5wave-ru.com/>
11. Varlamov, A. (2014). Kruglyi stol: Rossiya—XXI: zhizn' po zakonom kul'tury [Roundtable: Russia—XXI: Life according to the laws of culture]. Druzhba Narodov [Friendship of Peoples], 8. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/8/rossiya-xxi-zhizn-po-zakonom-kultury.html>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА

LITERARY CRITICISM: A MODERN PARADIGM

Научно-теоретический журнал

2025. № 1. Дата выхода: июль 2025 года.

© Национальный университет Узбекистана имени Мирзо
Улугбека, 2025. Все права защищены.

За содержание публикаций и высказанные позиции
исключительную ответственность несут авторы публикаций.
Редакция оставляет за собой право публиковать материалы в
дискуссионном порядке, не разделяя отдельных позиций авторов.